

то крупного, принципиального. Однако он пропагандировал мирное соперничество во всех остальных сферах: в спорте, бизнесе, искусстве, гуманитарных науках, — соперничество, которого, как он сказал, хочет Бог. “Бог хочет, чтобы мы соперничали, — заявил он. — Конфликт — движущая сила прогресса”. Премьер Хрущев сказал, что основополагающий конфликт между двумя нашими странами — это мирное состязание в экономической области. Советский Союз и все страны — участницы Варшавского договора — молодые государства, здоровые, энергичные, полные сил. Они сделали огромный шаг вперед. Соединенные Штаты и Западная Европа, заявил он, имеют тысячелетнюю историю и загнивающую экономическую систему. Это напоминает ему один забавный эпизод из мемуаров Горького о Толстом, где Толстой говорит о себе, что он слишком стар, слаб и немощен, чтобы заниматься этим, но до сих пор испытывает желание. Фрост рассмеялся и сказал, что он ощущает то же самое, но что Соединенные Штаты еще слишком молоды, чтобы беспокоиться на этот счет. Фрост сказал, что премьер обладает огромной властью и может принести огромную пользу, достигнув политического урегулирования односторонними действиями, без прямых переговоров с Соединенными Штатами. Хрущев только должен найти простое решение берлинской проблемы, и Соединенные Штаты согласятся с этим решением. “У вас душа поэта”, — ответил премьер Хрущев.

Фрост заявил, что европейская цивилизация принципиально отличается от азиатской и африканской. Премьер сдержанно отреагировал на страстный призыв Фроста признать, что у России, Европы и США одни и те же общеевропейские культурные ценности, противостоящие тому, что он назвал отсутствием культуры в Африке и непреодолимой культурной чуждостью Китая. Хрущев проявил терпение. Он говорил о снижении курса доллара и о перераспределении военной мощи